

Состояние Хуай-вана заметно улучшилось. Он окинул взглядом стоявших в комнате и чувствовавших себя несколько неловко дворцовых стражников и приказал:

— Чего стоите? Быстро опуститесь на колени и попросите прощения у Девятого брата!

Стражники тут же опустились на одно колено и в один голос произнесли:

— Мы были слепы и не узнали государя. Просим Ваше Высочество и госпожу проявить милосердие и простить нас.

Девятый ван с улыбкой кивнул, показывая, что ничего страшного не произошло.

Лицо Благородной супруги Шу то бледнело, то покрывалось румянцем. Всего мгновение назад она едва не приказала задушить человека, спасшего жизнь её сыну. Глядя на всё такую же невозмутимую Цзо Хунцю, она с некоторой неловкостью произнесла:

— Я и вправду действовала слишком опрометчиво. Если до этого я в чём-то перед вами провинилась, прошу Девятого вана и Цяолянэ не держать зла. За спасение жизни моего сына я непременно отблагодарю вас.

Цзо Хунцю улыбнулась:

— Вашему Ветельству не стоит об этом беспокоиться. Я прекрасно понимаю ваши прежние чувства — подобное заставило бы тревожиться и убиваться любого. К тому же мой рецепт действительно был рискованным и шёл вразрез с диагнозами прославленных врачей. Какая мать сможет оставаться спокойной, видя такие мучения сына? Кстати, Хуай-вану нужно будет принять этот же отвар ещё дважды в течение двух дней, и только тогда болезнь отступит окончательно.

Видя, что Цзо Хунцю не злится, а напротив, даёт ей возможность сохранить лицо, Благородная супруга Шу мгновенно прониклась к ней ещё большим расположением и закивала:

— Хорошо-хорошо, спасибо Цяолянэ за заботу.

Хуай-ван тем временем крепко сжал руку Девятого вана, покачал головой и со вздохом произнёс:

— Если бы не настойчивость Девятого брата и невестки, я, пожалуй, вскоре отправился бы на тот свет.

Девятый ван похлопал его по тыльной стороне ладони и с улыбкой сказал:

— Братец Ли, что за глупости ты говоришь? У тебя счастливая судьба, с тобой ничего не случится.

Во всей комнате, пожалуй, лишь лекарь Ван и лекарь Ли выглядели мрачнее туч, а их лица помрачнели от злости и стыда.

Их прежняя критика и насмешки в адрес Цзо Хунцю после такого исхода больно ударили их по лицу, заставляя чувствовать себя так, словно они сидят на иголках, не находя себе места.

Воспользовавшись тем, что Благородная супруга Шу была в относительно неплохом расположении духа, они поспешно поднялись и попрощались.

Благородная супруга Шу лишь глухо уткнула, и в её голосе уже не было прежнего почтения и уважения.

Судя по словам Цзо Хунцю, если бы Хуай-ван и дальше продолжал принимать лекарства по их рецептам, его состояние, судя по всему, становилось бы только хуже, пока не привело бы к гибели. А эти два лекаря в лучшем случае лицемерно выдавали бы пару слезинок, нет — даже притворяться бы не стали, просто развели руками со словами бессилия, а после велели бы ей скорбеть.

Врачи не могут вылечить абсолютно все болезни — это истина, известная каждому.

Но разница между хорошим врачом и шарлатаном огромна.

Именно поэтому во все времена прославленные врачи, способные исцелять любые трудные недуги, становились предметом всеобщего почитания и уважения, а Цзо Хунцю в глазах Благородной супруги Шу несомненно была именно такой удивительной женщиной.

Столкнувшись с холодным приёмом Благородной супруги Шу, оба лекаря развернулись и ушли.

Выйдя за дверь, лекарь Ван взмахнул рукавом и злобно бросил:

— Просто слепая случайность! Старик не верит, что в следующий раз при встрече с другой сложной хворью эта женщина снова сможет вылечить человека с одного раза.

Лекарь Ли тоже холодно фыркнул:

— Верно. Наверное, нахваталась пары вершков у какого-нибудь бродячего лекаря, да просто случайно угадала. Если представится еще хоть один шанс встретиться, мы обязательно покажем ей, чего стоим.

Эта парочка поверженных неудачников вышла за ворота Резиденции Хуай-вана, но держалась по-прежнему гордо, расправив плечи и задрав новы.

В конце концов, они были самыми настоящими императорскими лекарями, которые лечат самого императора, а та женщина в их глазах не стоила и ломаного гроша.

## Глава 23. Хуай-ван (11)

— Братец Ли, ты только что оправился от тяжелой болезни, тебе нельзя перенапрягаться. Отдохни пару дней, а когда полностью поправишься, мы снова посидим и поговорим по душам.

— Пожалуй, ты прав, — Хуай-ван и в самом деле чувствовал себя измотанным. Из-за опухшего и болевшего живота он ночами напролёт не мог сомкнуть глаз, но теперь боль наконец утихла, и на него накатила непреодолимая сонливость, заставив несколько раз подряд зевнуть. — Тогда я не буду провожать вас, братец и невестка.

Девятый ван и Цзо Хунцю попрощались с Благородной супругой Шу и под сопровождали распорядителя сели в ожидавшую их карету.

Полдень уже миновал. Сидя друг напротив друга в покачивающейся карете, оба почувствовали легкий голод.

— Спасибо, что спасла Хуай-вана, — тихо произнес Девятый ван, глядя на чистое лицо Цзо Хунцю.

— И вовсе не за что. К тому же, когда мне угрожала опасность, то, как Ваше Высочество, не задумываясь, бросились на помощь изо всех сил... Знаете, у меня на душе стало очень тепло.

— Что за глупости ты говоришь, Цюлянь? Ведь ты моя любимая супруга.

Встретившись взглядом с Девятым ваном, Цзо Хунцю невольно опустила глаза, и её щеки залил легкий румянец.

Сердце Девятого вана, так долго не знавшее трепета, вдруг забилось, заставив его взять Цзо Хунцю за слегка узловатую, но удивительно белую руку.

На мгновение в карете воцарилась странная тишина.

Желая прервать это неловкое молчание, Девятый ван внезапно спросил:

— Интересно, почему четверо великих столичных лекарей и те два медика поставили брату Ли

абсолютно одинаковый диагноз? По идее, эти врачи осмотрели бесчисленное множество больных, как же они не смогли разглядеть истинную причину его недуга?

Цзо Хунцю подняла лицо, на котором еще не исчез румянец, и приоткрыла алые губы:

— На самом деле пульс Хуай-вана действительно указывал на простуду и холод в организме.

Девятый ван изумился:

— Как такое возможно? Тогда откуда же взялся твой вывод, Цяолянь?

— Мои выводы основаны на двух вещах. С одной стороны, раз прославленные врачи определили простуду и назначили согревающие лекарства, то сам рецепт не вызывал вопросов. Но почему же Хуай-вану не стало лучше после четырёх дней приёма? Вот над этим стоит задуматься. С другой стороны, Ваше Высочество, знакомы ли вы с учением об инь и ян и восьми триграммах?

Девятый ван с детства усердно изучал древние трактаты и кивнул:

— Разумеется, знаком.

— Меридианы и пульс человеческого тела устроены точно так же, как законы инь и ян, четырех образов и восьми триграмм. В народе говорят: дойдя до наивысшей точки, расцвет сменяется упадком, а за темнотой наступает рассвет. Хорошее, дойдя до предела, превращается в плохое, и наоборот — плохое, дойдя до предела, перерождается в хорошее.

Заметив, что Девятый ван замер, видимо, еще не до конца всё поняв, Цзо Хунцю продолжила:

— Я приведу пример, и вам станет понятнее. После летнего солнцестояния, когда жара в году достигает своего пика, климат постепенно начинает меняться в сторону прохлады и холода. Точно так же после зимнего солнцестояния, достигнув пика холода, погода постепенно теплеет.

Девятый ван тут же хлопнул себя по колену и воскликнул:

— Понял! Пульс брата Ли указывал на холод именно потому, что внутренний жар в его теле достиг своего предела и проявился в виде симптомов простуды.

— Именно так. Просто подобные случаи редки — один на сто тысяч. Неудивительно, что те врачи не смогли правильно определить причину его болезни.

— Получается, Цяолян, что ты превосходишь их не на одну голову, — улыбнулся Девятый ван.

— Мне просто повезло, не стоит придавать этому слишком большого значения.

— Вчера ты велела мне прекратить пить те сильнодействующие укрепляющие отвары — в этом тоже был какой-то скрытый смысл?

Цзо Хунцю незаметно высвободила руку из ладони Девятого вана и перевела взгляд на проплывающий за окном пейзаж. Лишь спустя долгое время она бесстрастно произнесла:

— Дела Вашего Высочества требуют тщательного и неторопливого обдумывания, здесь ни в коем случае нельзя спешить.

## Глава 24. Корень болезни

Колёса с трудом катились по ещё не растаявшему снегу, издавая скрипящий звук.

По сравнению с ледяным холодом снаружи, внутри кареты, отапливаемой жаровней, было гораздо теплее.

— Помнит ли ваш муж, когда именно был заложен корень вашей болезни? — Цзо Хунцю отвела взгляд от окна и посмотрела на слегка уставшего Девятого вана.

— Помню, как такое забудешь, — Девятый ван горько улыбнулся. — Иногда я думаю: если бы в тот день не случилось той беды, какой бы сейчас была моя жизнь?

Он на мгновение умолк, и его мысли унеслись на добрый десяток лет назад.

— В тот год я был совсем маленьким, до возраста, когда покидают дворец и получают титул вана, было еще далеко. Поэтому в день моего седьмого рождения матушка устроила праздничный пир во Дворце Ледяного Источника. Я помню, что тогда было очень много людей. По личному разрешению императора во дворец пригласили и женщин из семьи матушки, которые вместе с благородными госпожами, дружившими с ней, пришли отпраздновать мой день рождения.

В тот день я, словно обезумевший, бегал повсюду, и каждый встречный улыбался мне и смотрел с доброжелательностью. Если бы я только знал, что этот день исчерпал всю радость, предназначенную мне на оставшуюся жизнь, я бы наверняка вёл себя осторожнее и прятал бы счастье глубоко в сердце.

— Что было дальше? — Сердце Цзо Хунцю мгновенно сжалось. Хотя всё это осталось в прошлом, от одного рассказа становилось тревожно за дальнейшую судьбу Девятого вана.

— Когда во Дворце Ледяного Источника царил всеобщее веселье и гармония, из-за стены вдруг с грозным рычанием выпрыгнул полосатый тигр. Женщины испугались до полусмерти, закричали, и во дворце мгновенно началась паника. Евнухи и служанки, которые обычно били себя в грудь и клялись в преданности, в тот смертный час побежали быстрее всех.

Впрочем, их нельзя было винить — посреди ночи вдруг выскакивает такой зверь, любой испугается. Я тогда просто остоленел от страха, замер на месте и тупо смотрел, как этот зверь несется прямо на меня. Матушка изо всех сил кричала, чтобы я бежал, но мои ноги словно вросли в землю, я не мог сделать и шагу.

К счастью, среди родственников со стороны матушки была моя дальняя дворовая сестра. Она с детства занималась боевыми искусствами, была смелой и сообразительной. Она начала бросать в разъяренного зверя столы и стулья, привлекая его внимание, и только тогда подбежавшая спотыкающаяся матушка схватила меня на руки, и мы чудом спаслись. Вовремя подоспевшие императорские стражники прикончили зверя на месте.

Из-за пережитого испуга я слег в постель и покрылся холодным потом. Более того, после этого я долгое время не мог заставить себя ужинать по вечерам. Стоило мне ночью попасть под холодный ветер или в дождливый день, как болезнь возвращалась, а вздутие живота и рвота стали привычным делом. А за последние несколько месяцев неизвестно почему добавились еще и кровавая рвота с кашлем. Кажется, небеса наконец сочли меня жалким и решили избавить от мучений, забрав мою жизнь.

Девятый ван прислонился спиной к трясущейся стенке кареты, и его мысли словно погрузились в детские кошмары, от которых он никак не мог избавиться.

Цзо Хунцю же нахмурилась:

— Тигр посреди императорского дворца — разве это не странно?

Девятый ван прикрыл глаза и ответил:

— Отец-император тогда приказывал во всем разобраться. Сказали, что тигры из Зверинца содержались в клетках со временем обветшавших, и тот зверь умудрился сбежать через брешь, а затем не вовремя забрёл во Дворец Ледяного Источника. Позже старшего евнуха Зверинца забили палками в наказание, и на этом дело замяли.

## Глава 25. Управляющий

Вернувшись в резиденцию, они узнали, что благородная супруга уже вернулась во дворец.

Они перекусили вдвоем, и Девятый ван, сильно уставший, отправился отдыхать.

Поскольку Девятому вану до сих пор не был пожалован уделом, в его резиденции не полагалось ни чиновников, ни евнухов, и даже стражники со служанками были присланы из особняка дедушки по материнской линии — Поместья герцога.

Цзо Хунцю велела позвать управляющего. Раз уж теперь она была княгиней, ей приходилось вникать во все дела резиденции и принимать решения, иначе как слуги могли по-настоящему уважать молодую госпожу, только что переступившую порог их дома?

Управляющего звали Чжан Хун, ему было около сорока с небольшим. Из-за постоянных забот всё его лицо покрывали морщины, спина была слегка сгорблена, а вид он имел честный и простодушный. С тех пор как Девятому вану исполнилось десять лет и он переселился в собственную резиденцию, Поместье герцога направило Чжан Хуна сюда управляющим, и он служил уже почти десять лет. Благодаря исполнительности и умению вести дела он пользовался полным доверием Девятого вана и имел в резиденции небольшой вес.

Услышав, что княгиня вызывает его, Чжан Хун чинно явился с поклоном, в каждом его движении сквозили осторожность и опыт.

— Маленький слуга приветствует княгиню.

— Встань, — Цзо Хунцю указала на стул неподалеку. — Садись, поговорим.

Чжан Хун поспешно отказался:

— Нет, что вы, посмею ли я. Зачем княгиня позвала меня, что-то случилось?

Цзо Хунцю улыбнулась:

— Ничего особенного, просто хочу узнать, каковы расходы резиденции за последнее время.

Чжан Хун улыбнулся в ответ:

— Главная статья расходов — это лекарства для Вашего Высочества, всё записано в книгах. Остальное — траты на поддержание нормальной работы резиденции: жалование слугам, покупка фруктов, рыбы и мяса, а с наступлением зимы огромных затрат требует еще и древесный уголь. Поскольку у вана нет наложниц, удалось сберечь немалую сумму на пудру и одежды.

— Не мог бы управляющий Чжан предоставить мне бухгалтерские книги для ознакомления?

На лице Чжан Хуна появилось затруднение:

— Ох, сейчас, пожалуй, это не совсем удобно. Честно говоря, серебра, которое Императорский клан выделяет нашей резиденции каждый месяц, едва хватает на еду. Значительную часть расходов покрывает Поместье герцога, поэтому после того, как я веду учет, книги отправляются на проверку в Поместье герцога и сейчас у меня их нет.

То, что Девятого вана не жаловал Императорский клан, было вполне ожидаемо.

Если ван не угодил императору, подчиненные тут же начинают заискивать перед сильными и притеснять слабых, так что урезанное жалование — дело привычное. Но чтобы до такой степени, о какой говорил Чжан Хун... пожалуй, это было преувеличением.

Цзо Хунцю только вошла в дом и не хотела сразу же портить отношения с управляющим, поэтому сказала:

— Раз так, вернемся к этому в другой раз.

Чжан Хун расплылся в улыбке и льстиво произнес:

— Сегодня утром я купил в известной столичной лавке Иньхуалоу первую классную пудру и румяна и велю немедленно отправить их вам.

— В таком случае благодарю управляющего.

— Что вы, это мой долг. — Заметив, что Цзо Хунцю больше не допытывается насчет счетов, Чжан Хун немного расслабился.

— Управляющий Чжан, не подскажете, в какой аптеке приобретают лекарства для Вашего Высочества?

— Это... в основном в Зале Сотни Трав. Если какого-то компонента не хватает, Зал Сотни Трав сам покупает его в других лавках, мы в это не вмешиваемся.

Цзо Хунцю кивнула:

— Я поняла.

— Если у госпожи больше нет вопросов, я пойду.

Проводив взглядом удаляющегося Чжан Хуна, Цзо Хунцю стерла с лица улыбку, и оно стало ледяным.

Слуги из Поместья герцога и вправду обладали изящными манерами знатных домов — мягкие снаружи, но с иголками внутри. Новая хозяйка переступила порог, а этот человек всё еще стремится единолично держать в руках всю финансовую власть и изолировать её.

Судя по всему, обычно Девятый ван, кроме чтения книг и приема лекарств, ни во что не вникал, что косвенно и развязало этому человеку руки.

Впрочем, сейчас еще не время с ним ссориться.

Цзо Хунцю велела созвать всех слуг и служанок, произнесла воодушевляющую речь, заодно давая им понять, что с сегодняшнего дня в резиденции стало на одного хозяина больше.

## Глава 26. Служанки

Комната для приготовления лекарств при резиденции Девятого вана была небольшой: с одной стороны стояли шкафы с травами, с другой — очаг и глиняные горшки для отваров. Повседневной варкой и доставкой лекарств занимались две служанки. Поскольку помещение примыкало прямо к спальне Девятого вана, несшие круглосуточную вахту стражники попутно досматривали всех, кто входил и выходил из лекарственной.

Согласно докладом двух начальников стражи, Линь Цина и Гао Юаня, большинство дружинников резиденции происходили из Поместья герцога. Поскольку их предки из поколения в поколение следовали за герцогом в походы и сражения, с детства они воспитывались в традициях строгой воинской дисциплины и обладали отменным здоровьем. Будучи переведенными в резиденцию охранять Девятого вана, они не расслаблялись, поэтому практически с полной уверенностью могли утверждать, что за последние несколько месяцев, помимо варивших отвар служанок и мальчика-посыльного из Зала Сотни Трав, посторонние в лекарственную не заходили.

Тех двух служанок звали Линьлан и Циньюэ. Управляющий Чжан купил их три года назад, происхождение у обеих было чистым, и на вид они казались скромными и послушными девочками.

Линьлан была чуть выше ростом, с румяным лицом. В свои тринадцать лет она уже выглядела довольно рослой. Циньюэ же, будучи её ровесницей, обладала круглым лицом с пухлыми щечками, и когда улыбалась, её щеки округлялись еще сильнее.

Обе они сейчас испуганно стояли на коленях перед Цзо Хунцю, не смея даже громко вздохнуть.

— Не нервничайте так, девочки. Я позвала вас не для разноса, а потому что вы в последнее время сильно устаете над отварами, хочу наградить вас.

Цзо Хунцю кивнула Цзы Хань, и та с улыбкой сунула каждой в руку по пять цяней серебра.

Стоит заметить, что месячное жалование служанок такого низкого ранга составляло всего один лян серебра, поэтому они не могли скрыть радости и, то и дело кланяясь, благодарили:

— Спасибо госпоже за щедрость!

— Хорошо, встаньте и говорите стоя.

Девочки явно расслабились, больше не испытывая прежнего страха.

Цзо Хунцю с улыбкой произнесла:

— Линьлан, Циньюэ, вы ведь попали в резиденцию в десять лет?

— Да, госпожа.

— Теперь вам уже по тринадцать, пора бы и о замужестве подумать. Есть ли в резиденции кто-то, кто вам приглянулся? Хотя я и сама недавно здесь, но вполне могу выступить вашей свахой.

Циньюэ тут же покачала головой, а вот Линьлан слегка покраснела, и её голос звучал тише комариного писка:

— Есть.

— О? И как его зовут, где он работает?

Линьлан ответила:

— Его зовут Дин Эр, он ухаживает за лошадьми в конюшне.

— Этот травяной браслет на твоём запястье очень необычен, он его подарок?

Линьлан опустила голову и смущенно ответила:

— Да, каждые несколько дней он плетет браслеты с разными узорами и формами.

Цзо Хунцю улыбнулась:

— Похоже, этот конюх по имени Дин Эр и впрямь умеет угождать девушкам. Когда закончится эта ледяная пора, я выберу подходящий день и помогу вам сойтись.

Линьлан поспешно опустилась на колени:

— Благодарю Вашу Светлость за милость!

— Ничего страшного, если в резиденции прибавится людей — это ведь к добру. Ладно, идите к своим делам, вы ведь еще не варили вечернее лекарство? — спросила Цзо Хунцю.

— Да, госпожа, мы как раз собирались.

Дождавшись, пока девочки выйдут из комнаты, Цзо Хунцю прикрыла глаза и слегка откинулась назад.

— Цзы Хань, я сегодня немного устала. Если ван спросит, скажи, что я прилегла отдохнуть.

— Слушаюсь, госпожа.

На следующий день Цзо Хунцю встала ни свет ни заря и зашла в покои Девятого вана. Он, как и прежде, с увлечением читал книгу.

— Как Ваше Высочество себя чувствует?

— Эти два дня я не принимал ни капли лекарств, и хотя по ночам меня всё ещё мучают кашель и мокрота с кровью, стало немного легче, чем в предыдущие дни, — ответил Девятый ван. — Должно быть, это связано с иглоукалыванием, что провела госпожа.

## Глава 27. Трепет сердца

Возможно, из-за того, что Цзо Хунцю успешно вылечила сложный недуг Хуай-вана, Девятый ван заметно проникся доверием к её медицинским навыкам.

— Не нужно ждать еще два дня, считай, что наше пари я проиграл.

— О? Ты так уверен? А вдруг через два дня состояние ухудшится, неужели муженек не станет обвинять меня и не разрубит на куски?

— Не стану, — Девятый ван отложил книгу и сияющими глазами посмотрел на Цзо Хунцю. — Даже если мне станет хуже, это значит лишь то, что у меня нет счастливой судьбы, раз даже медицинское искусство госпожи бессильно. Небеса просто жалеют меня и хотят избавить от

этих мук, так что скорое освобождение было бы даже к лучшему.

Цзо Хунцю шутливо нахмурилась и зыркнула на него:

— Что за глупости ты говоришь, муженек? Пока я рядом, ни в какой небесный чертог и ни в какой ад ты не отправишься — будешь послушно сидеть в миру и составлять мне компанию.

Взгляд Девятого вана упал на её цветущее лицо и лукавое выражение, и в груди впервые шевельнулось доселе незнакомое чувство. Он отчетливо ощутил, как его сердце пропустило удар. Но в то же время он знал: его недуг не проходит годами, сколько лекарств ни пей, и всё же после осмотра у лучших столичных лекарей все они сходились на том, что ему не дожить и до двадцати.

Хотя он и забрезжил надеждой, эта надежда была подобна пузырьку на воде, который мог лопнуть в любой момент, поэтому лучше было не питать слишком больших иллюзий.

Девятый ван собрался с мыслями и только хотел что-то сказать, как снова зашелся в долгом непрекращающемся кашле, и сквозь прижатые ко рту пальцы проступила алая капля крови.

<http://bllate.org/book/21872/2270677>